

Мобилизационный потенциал политических идеологий в современной России: проблема сохраняющего развития

Можно любить коньяк, можно любить боржоми, но для того чтобы их выпить, нужно иметь бокал. Если же бокал разбит, то ничего налить нельзя. Меня больше интересует не вопрос, какая идеология лучше, или кто оказался прав – Бердяев или Дзержинский. Бердяев дольше прожил, а Дзержинский лучше в обществе воспринимается. Но дело не в этом. Политическая идеология возникает и существует не для самоутешения власти. Политические идеологии существуют как выражение ожидания крупных социальных групп – социально-экономических классов и крупных социокультурных групп. Это не политическая доктрина, которая сегодняшней пост сохраняет, это прежде всего ценности и цель.

С инженерной точки зрения, вопрос прост: России что нужно? Главная задача идеологии – ориентация действия. Какого типа действие нужно России? Прорывного, или осторожного поступательного, или сдерживающего, оборонительного, или наступательного? Приняв сейчас в качестве гипотезы, чтобы не вдаваться в дискуссию, то, что России нужно прорывное действие, потому что она отстала даже от РСФСР 1990 года, – получаем вопрос, какая из идеологий может в большей степени обеспечить решение задач мобилизационного прорыва. Идентификация идеологий достаточно условна – есть классические идеологии XVIII – XIX веков, а есть формат XX века, где всё поменялось и консерваторами себя объявили люди, которые раньше говорили, что они наследники Адама Смита. Есть и неформы конца XX – начала XXI века. Верно говорилось о появлении неоконсерватизма как соединении экономических идеалов XVIII века с моральной ответственностью – неоконсерватизма Рейгана и Тэтчер. Но никто в мире не считал их либералами, соответственно и Чубайс с Гайдаром не есть либералы. Был ведь еще фридмановский консерватизм – без всякой ответственности, а как казалось рациональным самому Фридману, опираясь на конкуренцию и остальную архаическую атрибутику. Гайдар и Чубайс были не неоконсерваторами, а фридмановскими консерваторами. Но дело, в конце концов, не в том, кого как назвать, и не в том, кто как себя назовет. Коммунистами назовут себя от 6 до 18% населения при разной постановке вопроса, а за то, чтобы национализировать крупную промышленность, банки или электроэнергетику, будет 80–90%. И кто тогда коммунисты? Те, кто сказал, что мы коммунисты, или те, кто за то, чтобы всё национализировать?

Реплика. То же самое и националисты.

С.Ф. Черняховский. Когда мы говорим об идеологиях, надо посмотреть на идеальные типы, чтобы понять какого типа движение и с какими ценностями может утвердиться и победить. И какое движение может обеспечить решение стоящих перед нами прагматических политических задач.

Налицо полная деструкция либерализма. Не потому, что он плох. Великолепная идеология – Вольтер, Дидро, Франклин Рузвельт и так далее. Но, во-

первых, он дискредитирован предельно. Во-вторых, потому, что он не предполагает рецептов мобилизации. У него главный рецепт – каждому доделать то, что он хочет, и всё получится. Но никто не будет делать то, что принесет отдачу через 20–30 лет. А его подобный рузвельтовскому организующий характер хорош в периоды перепроизводства, когда всё работает, но надо организовать, чтобы оно работало разумно.

Если говорить о национализме и посмотреть на данные социологических опросов, то мы увидим, что постулаты национализма, даже в здоровом его виде, воспринимаются очень мало, потому что большая часть людей говорит: верните нам нашу империю. И вот этот актуализированный этнонационализм не может обеспечить существование полиэтнической, поликонфессиональной, поликультурной страны. Потому что это форма империи. Можно переводить формат националистической мобилизации в некий советский национализм, который скажет что в Тбилиси, Душанбе и Москве живет одна и та же нация, а какой цвет глаз – неважно. Теоретически это можно сделать, но сегодня крайне сложно. Национализм хорош тем, что на короткое время мобилизует человека, когда говорит: «Мой народ всех иноземцев выгонит и будет хорошо жить». Но он не задумывается над тем, что вообще-то тогда надо будет работать. А если работать, то ведь можно никого и не выгонять. Почему Гитлеру пришлось это соединять с подобием социализма – чтобы люди еще и работали, а не только били тех, кто им не нравится.

В отношении консерватизма. Консерватизм никогда, ни в какой своей вариации не представлялся как защита отжившего. Он предполагал поступательное развитие. Консерватизм никогда не приводил к рывкам. Другое дело, что в современном мире – и в мире целом, и в России – запрос на антиэнтропийный консерватизм, потому что когда мир идет вперед, движение ускоряется, консерватизм говорит: «Давайте не так быстро», – это одно. А когда прогресс обрушивается в регресс, консерватизм говорит: «Мы его остановим», – он выступает как баррикада, останавливая запущенный механизм разрушения, запущенный во многом деструктивным развитием либерализма, приведшим к собственной противоположности (когда священная свобода слова превратилась в свободу оскорблений, право на создание семьи превратилось в разрушение семьи, идея содружества, равноправия всех людей превратилась в диктат меньшинств). Как когда-то рушилась под нашествием варваров Римская империя и монастыри становились очагами, сохраняющими что-то от культуры, так и сейчас имеет место попытка что-то сохранить, только возможностей для сохранения побольше.

Но всегда актуален тезис: «Оборона есть смерть вооруженного восстания». Одной обороной нельзя остановить регресс, он останавливается развитием прогресса. Когда есть возможность поступательного развития, если ситуация не запущена настолько, что с ним опоздали, то лучше развитие без рывков.

Все сегодня уходило в этот вопрос: что сохранять консерватизму? Потому что один хочет сохранить советский период, другой – досоветский, третий – допетровский, и каждый говорит: я за сохранение самого главного, самого лучшего, – только самое лучшее каждый понимает по-своему. Кто-то скажет: мы за сохранение истинно русских ценностей. Но ведь возможна и такая трактовка, что истинно русская ценность – это постоянный раскол. Потому что в силу формирования сознания как ориентированного на высшую истину всё время происходит так: создали что-то, успокоились, истина достигнута, потом увидели, что отстали, и сказали: ну, давайте делать новый рывок вперед. А другая часть пассионариев отвечает: как же так, мы же совершенство построили – мы будем бороться. Вот эта триада: рывок, отставание и раскол – это тоже русская тради-

ция. А может быть, это истинно русская ценность. Что такое истинная ценность? Хорошо работать у своего барина или поджечь его дом и сбежать в казаки?

Можно очень по-разному отвечать на эти вопросы. А это значит, что мы всё время оказываемся перед неопределенностью, которая в каких-то моментах нам помогает, а в каких-то мешает. И возникает вопрос о необходимости все-таки искать путь мобилизации. А путь мобилизации в первую очередь нужно искать в ценностях и симпатиях, которым подвержено общество. В 2012 году фонд «Общественное мнение» задал россиянам вопрос: «Если бы вы жили в 1917 году, вы бы участвовали или не участвовали в гражданской войне? И если да, то на чьей стороне?». 26% ответивших – участвовали бы на стороне красных, 6% – не участвовали бы, но поддерживали бы красных, 5% – участвовали бы на стороне белых, 3% – не участвовали бы, но поддерживали бы белых, 20% – не участвовали бы и никого не поддерживали бы, 39% – затруднились ответить¹.

Я поставил бы вопрос несколько иначе: о запросе на сохраняющее развитие, о запросе на то, как совершить рывок, не разрушая той базы, которая создана. Две катастрофы XX века были связаны с тем, что в начале прошлого века элита отстала с осуществлением необходимых изменений и потребовалась революционная энергия (революция – в первую очередь созидание, в отличие от революционаризма), чтобы двинуться вперед. Ленин решал те же проблемы, что и Столыпин. А в конце XX века элита увлеклась бездумной революционностью, изменениями ради изменений, и тут уже не хватило консерватизма. Сначала его было слишком много, а потом не хватило. Поэтому самая актуальная задача сегодня – выявить мобилизационный потенциал всех идеологий, которые могут быть взяты на вооружение, определить, какая из них способна подвигнуть людей идти и строить заводы даже тогда, когда им будут плохо платить. Чтобы решать эту задачу объективно, необходимо дистанцироваться от собственных симпатий к той или иной политической идеологии.

¹ В рамках того же исследования был задан и другой вопрос: «После Октябрьской революции 1917 года началась гражданская война. Скажите, пожалуйста, на чьей стороне были ваши предки?». Ответы распределились так: на стороне красных – 39%, на стороне белых – 3%, среди моих предков были и те, кто поддерживал красных, и те, кто поддерживал белых, – 6%, ни на той, ни на другой стороне – 12%, затруднились ответить – 40%. Статистическая погрешность не превышала 3,6% (Для 47% россиян 7 ноября не является значимым днем. Россияне оценивают роль Октябрьской революции в судьбе страны и их семей // Фонд «Общественное мнение». 2012. 7 ноября. URL: <http://fom.ru/Proshloe/10685>). *Примеч. ред.*

А.В. Щипков. Коллеги, есть вопросы к выступившим докладчикам?

А.И. Болдырев. Вопрос господину Полякову. Каков критерий субъектности, почему ОНФ – субъект? Что дает основание с таким оптимизмом утверждать наличие у него мобилизационного прорывного консерватизма? И вопрос последнему докладчику. Все-таки это Бердяевские чтения, сто сорок лет Бердяеву. Он своей биографией олицетворяет связь времен. Начинал он как радикал, а закончил религиозным мыслителем, не ортодоксальным, но таким, которого обильно цитируют и наш патриарх, и Владимир Владимирович Путин. Не кажется ли вам, что есть нечто общее, непрерывное, некая историческая линия, которая позволит остановить плавающую идентичность? Если идентичность будет продолжать плавать в этом бурном море, ни о каком консерватизме речь идти не может.

Л.В. Поляков. Чуть-чуть конкретнее об этом теоретическом опознавании консервативного движения. Мне кажется, что Общероссийский народный фронт является субъектом, носителем современного консерватизма, консерватизма, который приходит как ответ на вызовы, причем на вызовы двойного смысла – как ответ на ситуативный вызов от конкретных сил и вызов истории. Думаю, что у ОНФ есть несколько позиций, по которым он может претендовать на этот статус и тем самым уже доказывает свою субъектность. Перечислю их. Как я уже говорил, на предыдущем этапе не удалось вписать консервативную политическую идеологию в партийный контекст. Опыт «Единой России», наличие соответствующих положений в партийной программе, заверения в том, что мы – консерваторы, – всё это позволяет заявить, что слова словами, а практика свидетельствует о том, что в ни одной избирательной кампании единороссы не позиционировали себя как консерваторы. По Мангейму, консерватизм в поисках площадки должен куда-то двигаться. ОНФ является такой площадкой – декларативно внеполитической.

Консерватизм ОНФ представляет собой попытку позиционировать консерватизм как псевдополитическую, а на самом деле более широкую, общекультурную идеологию. Заход с этой стороны позволяет интегрировать консерватизм в повседневность в качестве того, что легитимирует действия власти. Повторяю – не политическим путем. Пока это удастся. Получается очень органичная связка. Когда сам лидер заявляет, что он консерватор, и все остальные участники продвигают свои консервативные позиции, акцентируя четыре ценности: справедливость, семья, совесть и родина. Поэтому претензия вполне обоснована. Сергей [Черняховский. – *Ред.*] правильно говорит о прорыве, но он имеет в виду экономико-технологический прорыв, даже технико-экономический. А я говорю о том, что консервативный прорыв должен состояться в смысле выхода за пределы порочного круга вечно повторяющейся истории неконсервативной модернизации. Когда мы все время ищем образец вне себя, долго его пристраиваем, а потом оказывается, что государство падает, потому что его некому защищать. И мы опять начинаем искать новый проект. В этом смысле у ОНФ есть шанс – это не апология, не прославление ОНФ: дескать, вот они консерваторы, наконец-то пришли. И последнее уточнение. Сегодняшний консерватор – тот, кто понимает основную проблему России. И не так, как понимают ее либералы и левые. У них всегда одно и то же: либо на Запад, либо тоже на Запад, но через теорию. Либо к Смигу, либо к Марксу. Консерватор сегодня это тот, кто осмеливается сказать «нет, это не так». Но при этом я не вижу, что консерватизм дает ответ на вопрос, как именно решать проблему. В этом смысле, как мне представляется, Михаил Виноградов правильно видит проблему. Надо искать общие точки в прошлом, в истории, то, что нас всех объединяет, а не то, что разъединяет. Вы видели концепцию единого учебника истории? Там названы двадцать трудных вопросов. Консерватор должен найти ответ на все эти вопросы, в том числе для первого класса школы. Левые и либералы имеют ответы на все эти вопросы.

С.Ф. Черняховский. В отношении Бердяева и того, что его цитируют... Имеют право... То, что процитировал Владимир Владимирович, он сказал в каком контексте? Это был упрек тем консерваторам, которые защищали прошлое, не желая обеспечивать движение вперед. Я сейчас не хочу за недостатком времени пересказывать те абсолютно разумные докладные записки, которые зимой 1917 года писали Николаю II консерваторы о том, что мы накануне краха, и если он за ум не возьмется, то всё взорвется в ближайшие месяцы. Вот консерваторы тогда переусердствовали, мешая движению вперед. В отношении идентичности... Абсолютно правильно. Лучший способ уйти от плавающей идентичности – это сменить ее на утонувшую, перестать плавать и утонуть. Но для того чтобы сохранить ту или иную идентичность в современном мире, надо иметь возможность не зависеть от экономических партнеров, надо иметь самодостаточную экономику, надо иметь оружие, которое защитит тебя от любого удара. И это надо вне зависимости от того, что для тебя важно, церковь или мавзолей. Почему я говорю о технической, технико-экономической стороне вопроса, потому что, к сожалению, ракетно-ядерный удар ни портретом Сталина, ни крестным знаменем не остановишь.

В теории согласия есть такой принцип: не обязательно детерминировать себя с прошлым. Безусловно, и классически белые, монархически-консервативные, и классически красные никогда не сойдутся в оценке Николая или Ленина, Свердлова или Столыпина, но они сойдутся между собой в том, что Россия должна совершить технологический прорыв, что она должна иметь сильную армию, авиацию и флот, что надо уйти от бредовых рыночных идей. Они сойдутся в том, что Россия должна гарантировать национальный суверенитет. Может быть, в России должен править православный царь, может быть, пролетарский диктатор. Но этот вопрос должна решать сама Россия. Так что реальное поле восстановления идентичности – через цели. Хотя и через ценности тоже. Надо детерминировать себя будущим.

В силу ряда причин российское национальное самосознание сложилось как самосознание поиска смысла жизни. В этом есть много слабых моментов, но есть и огромная сила. С этой точки зрения идентичность заключается в том, что российская цивилизация всегда ориентировалась не на сиюминутное благо, а на некую высшую идеальность.

А.Ю. Зудин. Реплики будут фрагментарные. Любую проблему и любую задачу можно обсуждать с двух диаметрально противоположных точек зрения. Точка зрения первая – почему у нас не получится? Точка зрения вторая – а как нам это сделать? Это по поводу количества трудных вопросов в едином курсе истории. Как мне кажется, если поставить во главу угла необходимость сохранения единства российской истории, включая советский период, и добросовестно относиться к делу, эти проблемы могут быть решены. Другое дело, если исходить из прямо противоположного принципа, а именно: почему у нас не получится. Теперь по поводу обсуждения проблем, связанных с консерватизмом у нас и на Западе. Как совершенно справедливо напомнила нам госпожа Малинова, для идеологии – для любых идеологий, не только для консерватизма – очень важен принцип конкуренции. С тех пор как Михаил Бахтин открыл свой принцип диалогичности и его главную роль в жизни любой культурной системы, это, в общем, понятно. Поэтому у нас конкуренция важна также и для других идеологических систем, в частности и для того, что сейчас называют либерализмом, с разными приставками. Кроме того, тут прозвучало, что консерватизм всегда на что-то реагирует, а либерализм рождается каким-то другим способом. Любая идеология, насколько могут подсказать знания, почерпнутые из книжек, рождается в ответ на вызов или активизируется в ответ на вызов. Подъем правых идеологий в Соединенных Штатах во второй половине 1970-х годов и в конце 1970-х годов в Великобритании не был связан с тем, что какому-то количеству интеллектуалов пришли в голову какие-то светлые мысли, которые они через средства

массовой информации внедрили в общественное мнение. Все были восхищены глубиной и смелостью этих мыслей, и поэтому там произошли означенные политические события. Люди предлагали свои рецепты и новые идеи для решения острейших проблем, которые стояли перед этими странами. Сейчас мы можем сказать, что эти решения помогли подготовить эти страны к глобализации. Благодаря этим решениям эти страны опередили всю остальную часть мира в подготовке к глобализации. Более того, они ее во многом и спровоцировали. Таким образом, любая идеология рождается или активизируется в ответ на вызов. Не надо консерватизму приписывать то, что на самом деле является общим свойством. Распространенное представление о том, что существует чудесная триада замечательных идеологических систем – либерализма, консерватизма и социал-демократии – нуждается в корректировке. Такая триада реально существовала, наверное, в 1970–1980-х годах. А после краха советского коммунизма и очень больших изменений, которые обычно совокупно обозначаются как глобализация, начались совершенно другие идеологические процессы. Началось схлопывание и опустошение. Оля [О.Ю. Малинова. – *Ред.*] говорила о некоем конце идеологии. Дэниел Белл об этом сказал в конце 1970-х годов чисто теоретически. А к концу XX века это стало происходить практическим образом. Сейчас никакой триады нет, а есть злокачественное разрастание одной идеологии. Но любые идеологии могут быть продуктивны в широком смысле тогда, когда с кем-то конкурируют. Там у себя они уже мало с кем конкурируют и продуктивность свою теряют. Поэтому нам здесь вряд ли нужно заниматься нашим любимым делом – вытягивать шею в известном географическом направлении и искать там рецепты и смысл. Никаких рецептов и смысла мы там не найдем.

Как мне представляется, любая осмысленная работа с идеологией в нашей стране возможна только за счет наращивания рефлексии над собственным коллективным историческим опытом. Это единственная возможность, это единственное направление. Ну и, кроме того, не надо искать каких-то книжных,

заумных оснований. Коллега Федоров в своей презентации продемонстрировал, что такое основание у нас уже есть. Там с позитивной окраской на первом месте у него функционировал патриотизм, то есть хорошее, а наибольшее количество негативных значений собрал национализм. То есть у нас есть две коллективистские идеологии – одна хорошая, другая плохая. Одна может послужить основой для идеологического конструирования, и только эта основа может хранить жизнеспособные идеологии. Вторая, как часть людей догадывается, а тем людям, которые не догадываются, подсказывают СМИ и агитпроп, – для нас смертельна.

Коллега Черняховский справедливо заметил, что решение проблемы идеологии находится во внешнем поле. То есть в поле, которое является внешним по отношению к идеологии. Та система идей, которая сможет обеспечить наилучшим образом тот этап государственного строительства, который сейчас наиболее актуален, та и будет востребована, а как она будет называться – вопрос открытый. Впрочем, частичный ответ на этот вопрос уже дан: без консервативных ценностей никакая идеология будущего в нашей стране невозможна, но, повторю, как она будет называться и какие элементы в себе сочетать, ответ на этот вопрос остается открытым.

И самое последнее. При всей своей провинциальности, ограниченности, активисты «Единой России», которые отказывались признаваться в том, что они являются носителями консервативных ценностей, опирались на практический опыт. У консерватизма есть мобилизационный дефицит, но, как мне кажется, это не обязательно является проблемой. В конце концов, возможно создание идеологических конструкторов с участием консервативных ценностей, которые совершенно необязательно будут называться консервативными, то есть в названии которых обязательно будет присутствовать консерватизм. Есть историческая память, память языка, устойчивая система ассоциаций. Здесь консерватизм закрепился как нечто охранительное, нечто

защищающее, и с этим, как мне кажется, нельзя не считаться.

В.Е. Хомяков. Хотел бы оттолкнуться от предыдущего выступления, поскольку отношу себя к категории национал-патриотов по убеждению. Я хотел бы вам оппонировать. Возможно, вы недостаточно глубоко в этом движении ориентируетесь. Дело в том, что сегодня национализм является не злом, не добром, а вполне нормальной категорией. В качестве примера я всегда привожу Британскую энциклопедию, где черным по белому написано, что национализм – это верность своей нации и стране, интересы которой приоритетны по отношению к любым частным или групповым интересам. Думаю, если спросить, согласны ли вы, что любовь к своей стране и нации должна являться приоритетной по отношению к частным и групповым интересам, 80% ответят, что они это поддерживают, не зная, как это называется. Национализм был так же демонизирован, как и консерватизм. Изначально он подавался как русский шовинизм. В первое десятилетие советской власти русский народ был в крайней дискриминации, ибо на него навесили все реальные и мнимые грехи предыдущих эпох перед всеми народами. Национализм сегодня делится на две части. Это русско-имперская часть, воспринимающая будущее российской нации в качестве суперэтнической целостности, сложившейся вокруг стержневого русского народа. И есть не имперское, а этнонационалистическое понимание, которое противопоставляет российскую государственность русскому народу. Поэтому не надо всё сваливать, так сказать, в одну корзину. Хотя бы потому, что наш консерватизм принципиально отличается от консерватизма западного. Иногда можно слышать предложение о перенесении понимания консерватизма неоконнами на нашу почву. Это смертельно опасно, это все равно, что отрезать человеку ногу и пришить железную, потому что она крепче. Любой консерватизм сугубо национален. Он ориентирован на сохранение традиционных ценностей данного народа, а

не каких-то абстрактных ценностей. На худой конец, это ценности цивилизации, на основе которых возник данный народ, в частности русской, христианской, восточно-христианской цивилизации. И другим он быть не может. Если пересаживать стандарты и подходы чужого национализма на нашу почву, получится то, что в гумилевской теории этногенеза называлось химерой, то есть продуктом контакта двух несовместимых этносов.

Я не согласен, что консерватизм невозможен в состоянии хаоса. Консервативная идея всегда являлась основой для консолидации сил, противостоящих хаосу, как внутри страны, так и импортируемых извне.

Про СССР. Бог с ним, с СССР, не буду трогать больные темы, чтобы не вбивать клин между красными и белыми, чего я всегда пытался избежать. Но, коллеги, за последние сто лет мы пережили три системные ломки всех общественных устоев. До 1917 года в стране проводился, в общем, либерально-демократический курс. С ним в причудливом симбиозе находился охранительный консерватизм в духе графа Уварова. В качестве консерваторов выступала тогдашняя системная оппозиция, предлагавшая кое-что поменять, чтобы не было революции. А либералы и социалисты выступали как несистемная оппозиция, за свержение власти. Что происходит в результате?

Охранители государственности оказываются несостоятельными, и либералы с социалистами свержают монархию, после чего социалисты защищают либералов.

Теперь 1991 год. Все дискуссии до этого шли внутри КПСС. Партийные либералы впитывают западные идеи и трансформируют их в некие революционные воззрения.

Команда Горбачева осуществляет революцию сверху. Там же внутри партии возникает охранительное, ортодоксально-коммунистическое течение, которое можно назвать ситуативно-консервативным. В результате возникает кризис, и против режима выступают единым фронтом и либералы, и коммунисты, которые воспринимают изменения как улучшения социализма.

До 1989-го, до 1990 года все изменения

осуществлялись под флагом улучшения социализма, никак иначе.

Наконец, теперешняя ситуация. У нас опять налицо охранительный либерально-консервативный блок. Борьба 2011–2012 годов была борьбой либералов-радикалов против либералов-консерваторов за право возглавлять либеральный проект в России. И поэтому Путин абсолютно прав, что он единственный выход видит в том, чтобы отказаться от этого проекта как такового. Но если всё будет повторяться, и в рамках «Единой России» и окружающих сил будут то же самое ситуационное охранительство и квазиконсерватизм, мы придем к тому же. Любая успешная идеология успешна потому, что эффективно реагирует на вызов, апеллируя к неким архетипам национальной

ментальности, которые ущемлены в настоящий момент. В 1917 году большевики апеллировали к понятию справедливости, которое было в угнетенном состоянии. И сыграли на этом. В 1991 году демократы апеллировали к свободе. Были социальные гарантии, но не было свободы. И сегодня надо зацепить самую главную струну – это основы отечественной культуры и ментальности. Но наш консерватизм должен быть не в охранительном, не в ретроградном варианте, а предлагающим такие изменения, которые не разрушают основы, и не позволяющим их разрушить извне.

А.В. Щипков. Спасибо большое, коллеги. Наша программа на сегодня завершена.